

Внешнеполитические ориентиры Москвы в кризисе миропорядка

На 22-м заседании Валдайского клуба, важного российского дискуссионного форума, как всегда, выступил президент Владимир Путин. В его обширном выступлении были затронуты многие вопросы, прежде всего вопросы внешней политики, в центре которых – война на Украине и последствия для международных отношений.

Гордящаяся своими «Вооружёнными Силами» Россия, предупредил он, «внимательно следит за набирающей силу милитаризацией Европы»; предостережение состоит в том, что российский ответ на угрозы «будет очень убедительным».

Вокруг Украины разворачивается империалистическое противостояние, и каждая держава разыгрывает свои карты.

Россия и мировой порядок

Размышления Путина, однако, выходят за рамки военной повестки и обращены к более глубоким сюжетам, а именно к самому мировому порядку. Его основной тезис состоит в том, что «мировой баланс без России не выстраивается» – во всех сферах: экономической, стратегической, культурной и логистической.

Как уже говорилось, площадкой для этих размышлений является ежегодное заседание Валдайского клуба. Среди его подготовительных материалов есть доклад, составленный ведущими российскими аналитиками в области внешней политики под руководством Фёдора Лукьянова. Последний, занимающий, помимо прочего, пост председателя Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), на встрече с Путиным выступил в роли «модератора». Поэтому вряд ли его замечания можно рассматривать как своего рода «контрапункт» линии президента; скорее, они выражают общее направление размышлений. Уже само название доклада красноречиво: «Доктор Хаос, или Как перестать бояться и полюбить беспорядок». Лукьянин лично обобщил его тезисы в статье для журнала «Профиль», перепечатанной также *Russia Today*, – оба издания связаны с властью. Мы можем резюмировать смысл статьи следующим образом: если верно, как говорит Путин, что мировой порядок не может обойтись без России, то также верно и то, что сама Россия не может обойтись без мирового порядка, причём именно в его нынешнем виде.

Реформа или «революция»

Проследим рассуждения Лукьянова. На ключевой вопрос, вступил ли мир в «революционную ситуацию» в смысле переворота международного порядка, следует категоричный ответ: «нет». Причина в том, что, в конечном счете, «система не является невыносимо несправедливой для кого-то из игроков»; из этого следует, что «никто из значимых государств не стремится к кардинальному переустройству» существующих институтов, а скорее – хочет приспособить их к своим интересам. Это, можно сказать, реформистский путь. Даже так называемое «мировое большинство» (иначе определяемое как «не-Запад») «не требует глобальной перестройки». Сам Китай, по мнению Лукьянова, стремится «не столько менять окружающую реальность под себя, сколько приспособиться к ней». И даже Россия – как следствие, – «не станет рисковать собственной социально-экономической стабильностью ради решительной победы в военном конфликте». Это, несомненно, всего лишь пожелание, но всё же немаловажный бемоль по отношению к наиболее жёстким позициям, существующим в Москве относительно нынешнего конфликта.

Мы уже давно отмечали, что перед *кризисом порядка* открыты «два пути» возможного развития: либо серия частичных конфликтов, либо их перерастание в большую войну с прямым участием крупнейших держав. Мы можем отнести соображения Лукьянова к первому сценарию. В докладе Валдайского клуба упоминаются некоторые военные и политические точки напряжённости – США-Китай, Россия-НАТО, Индия-Пакистан, Индия-Китай, Израиль-Иран – они уподобляются «сжатым пружинам: в любой момент может произойти резкая вспышка – синхронная или асинхронная». Пока что мы наблюдаем именно частичные кризисы. Однако марксистская наука даёт нам осознание, что «второй путь», путь разрыва порядка, каким бы маловероятным он ни был в данный момент, всё же остается

возможным, и в любом случае является неизбежным исходом накопления гигантских противоречий этого общества.

Полифония дебатов

Если изложенная Лукьяновым линия – это позиция, которую мы могли бы определить как осторожную, учитывающую риски для Москвы, заложенные в текущем кризисе порядка, то в российской дискуссии присутствуют и другие, гораздо более напористые, а по сути – агрессивные подходы. Ярким представителем этой линии является Сергей Караганов, который является почётным председателем того же СВОП, председателем которого является Лукьянов.

В статье от 15 июля в журнале “Россия в глобальной политике” (главным редактором которого, кстати, является Лукьянов), он утверждает, что «*наступления, которые ведут наши воины, надо продолжать*» с большей решимостью, потому что «*перемирие, как все прекрасно понимают, – не спасение, а только передышка для противника*». Чтобы избежать этой опасности, «*нужно начать отвечать по объектам на территории стран, наиболее активно участвующих в агрессии НАТО. Это – Польша, ФРГ, Румыния – список можно продолжать*». И не только: военная доктрина также должна быть изменена, чтобы в ней появилось положение о том, что «*в случае любой войны с противником [Европой?], обладающим большим демографическим и экономическим потенциалом, наша страна считает обязательным применение против агрессора ядерного оружия*». Эта позиция явно расходится с официальной линией Кремля, но, как видно, спектр мнений в московских дебатах широк и разнообразен.

В основе дискуссии лежит ключевой вопрос об ориентирах внешней политики. Этой теме посвящена книга Александра Боброва “The Grand Strategy of Russia”, изданная на английском языке в 2024 году МГИМО, университетом Министерства иностранных дел, в котором Бобров был профессором кафедры дипломатии. Это обширная реконструкция различных “этапов” внешней политики Москвы после 1991 года. Пока ограничимся рассмотрением двух глав, которые касаются как раз дебатов о направлениях российской внешней политики: на Запад и на Восток.

Препятствия на пути в Азию

Именно противостояние с Западом, пишет Бобров, ускорило «*поворот на Восток*». По словам Путина, цель – создание Большого евразийского партнёрства. Столпом, очевидно, являются отношения с Китаем, но здесь сразу же возникают некоторые «*серьёзные ограничения*», тяготеющие над этими связями: отсутствие полноценного альянса, нейтралитет Китая в конфликте на Украине (что показательно!), растущий экономический дисбаланс и, как следствие, риск подчинённого положения России. Даже энергетические контракты выглядят неравными.

В связи с этим мы можем вспомнить также историю с проектом газопровода “Сила Сибири-2”, который был подписан в 2022 году для поставки в Китай дополнительно 50 миллиардов кубометров газа в год, но застопорился на спорах о ценах и контрактных объёмах. Москва, как обычно в подобных делах, нацелена на долгосрочные контракты, фиксирующие объёмы и цены, поскольку ей необходимо окупить по крайней мере высокие первоначальные затраты на строительство газопровода. Пекин же добивается скидок, пользуясь тем, что европейский рынок для “Газпрома” теперь закрыт. Разногласия России и Китая касаются и долгосрочных объёмов поставок: по мнению Сергея Вакуленко, бывшего до февраля 2022 года руководителем стратегического планирования “Газпром нефти” и ныне работающего в Russia Eurasia Center фонда Карнеги (15 сентября), расширение возобновляемых источников энергии в Китае делает прогнозируемым спрос на импорт только на ближайшие 15–20 лет, «*а что будет после – большой вопрос*».

В начале сентября, во время визита Путина в Пекин, был подписан новый меморандум с Си Цзиньпином о возобновлении строительства газопровода. По мнению Вакуленко, Москва продолжает «*громогласно заявлять о том, что достигнут очередной важный этап в реализации проекта*», но «*можно быть сколь угодно близко к финишу, но всё ещё в бесконечном количестве этапов от него*». И здесь мы возвращаемся к Боброву, для которого немаловажен вопрос о пределах «*дружбы без границ*» между Россией и Китаем.

Другой азиатский гигант, на который смотрит Москва, – это Индия: с Нью-Дели также существуют «привилегированные стратегические отношения», но и здесь есть препятствия, как то: чрезмерная центральность Китая во внешней политике России, что может вызывать раздражение Индии; ориентация Индии на Соединённые Штаты; а также её нежелание подписывать Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Если добавить непростые отношения с Японией и Южной Кореей, то вывод, который делает Бобров, таков: «поворот на Восток» действительно является «концептуальной основой» азиатской стратегии Москвы, но остается в «стадии концептуального становления», где отношения «фрагментированы и слабо интегрированы на двусторонней основе».

Проект “Большой Евразии” является «первой попыткой» наметить континентальное видение, но его реализация «потребуется немало политических и экономических усилий, прежде чем интеграционные устремления России в «Большой Евразии» дадут первые реальные результаты». Именно поэтому западное направление нельзя списывать со счетов.

Двуликий евроатлантический мир

Что касается Запада, определяемого как «евроатлантический» мир, наиболее интересный аспект заключается в тезисе Боброва о том, как «Москва чётко различает» два его полюса. Это справедливо, например, в отношении санкций. Он пишет, что американские санкции «рассматриваются как элемент недобросовестной конкуренции»: их цель не столько Россия, сколько Европейский союз. Эти санкции используются Вашингтоном для «своих политико-экономических интересов в Европе (замена российского трубопроводного газа на американский сжиженный, повышение расходов европейцев на оборону в рамках НАТО и др.)». Санкции ЕС же рассматриваются в контексте «принуждения к трансатлантической солидарности и ошибочного увязывания отмены санкций с выполнением Москвой “Минских соглашений”». Они воспринимаются как почти полностью навязанные американским союзником.

На более общем стратегическом уровне конфликт на Украине рассматривается как “ускоритель” противостояния с Западом, но – и это ключевое наблюдение – «география диктует, что по окончании активной фазы конфликта открываются возможности для постепенной нормализации политических, экономических и культурных отношений между Россией и Европой». Согласно этой интерпретации, путь в Брюссель не останется закрытым навсегда.

Вывод из анализа основных направлений российской внешней политики заключается в том, что кризис в отношениях с Западом, тем не менее, стал переломным моментом для Москвы, которая теперь ориентируется на построение «независимого и самодостаточного центра силы в постепенно складывающемся многополярном мире».

В этой заявленной независимости можно усмотреть отказ как от подчинения Восточному Дракону, так и от окончательного разрыва с западным соседом. Обладает ли Москва экономической, демографической и стратегической силой для такой многовекторной политики – покажет только будущее противостояние.

Октябрь 2025 г.